

ОБЛИК УЧЕНОГО (ТВОРЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ)

**Антонина Ивановна
Ковалева:
«Я — социолог по
самообразованию»**

Антонина Ивановна Ковалева — доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, профессор, декан психологического факультета МосГУ, заведующая кафедрой социологии МосГУ, председатель диссертационного совета по социологическим наукам МосГУ, Почетный профессор Московского гуманитарного университета. Награждена знаком Министерства образования РФ «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», орденом Московского гуманитарного университета «Служение и Честь» I степени.

Автор около ста публикаций по молодежной проблематике, в том числе семи монографий (четыре — в соавторстве). Ее исследования по проблемам социализации получили широкое признание в научном сообществе — и в России, и за рубежом: А. И. Ковалева — профессор Высшей школы педагогики (г. Щецин, Польша), одна из немногих россиянок, кто преподает полякам социологию на польском языке. Она — член Международной социологической ассоциации, академик Международной академии наук (ISA), академик Международной академии педагогического образования.

Представляем беседу с ней.

— Антонина Ивановна, жизненный путь каждого ученого индивидуален. Для кого-

то занятие наукой — это продолжение семейных традиций, для кого-то — личный прорыв, преодоление препятствий. С чего начинался Ваш путь в науку? И как он происходил?

— Я выросла в учительской семье. Папа — участник финской и Великой Отечественной войн. Работал после демобилизации директором сельской школы в Белгородской области, был учителем истории. Мама в этой же школе преподавала математику. Вся моя жизнь от рождения и до окончания 7-го класса проходила в селе.

Главным примером для меня был отец. У нас была большая библиотека. Он очень много читал, причем делал это всегда тщательно: с пометками карандашом на полях книги, с закладками. Папа скончался в 1991 г. Его последняя прочитанная книга тоже была вся в таких пометках. Мама жива, бережно хранит эту папину книгу. Так что интерес к информации, к знанию был сформирован у меня с детства. Помню, как папа приносил домой большую географическую карту, и мы с братом с увлечением искали на ней города и страны. С географией у меня никогда не было проблем. Но в старших классах я почему-то ушла в математику.

— Но, возможно, это уже влияние мамы?

— Не совсем. С 8-го класса я училась уже в Белгороде. Мне нравилось решение задач, поиск вариантов. Очень хотела стать математиком и решила поступить в МГУ, на ме-

ханико-математический факультет, на отделение астрономии. Это были 1960-е годы: бум интереса к техническим достижениям, к космосу... Конкурс, естественно, был огромный. Я не поступила, хотя была золотой медалисткой. Экзамены выдержала, но не прошла по конкурсу. Больше никуда в этот год я не сдавала. Считала, что буду учиться только на мехмате и только в Московском госуниверситете. Когда вернулась в Белгород, горком комсомола пригласил меня на работу вожатой в одну из школ. Затем комсомольская работа меня так поглотила, что я решила учиться заочно на физмате Белгородского педагогического института.

Сейчас прихожу к мысли, что я не должна была становиться математиком. Я была гуманитарием и всегда любила работать с людьми. Через несколько месяцев меня избрали членом бюро горкома комсомола. Для 18-летней девочки это было очень много: в бюро горкома комсомола выдвигали лучших комсомольцев города. Это были в основном освобожденные комсомольские работники. Скоро я стала секретарем комитета комсомола педагогического института. Это была большая комсомольская организация, в которой состояло более 3 тыс. комсомольцев. Как комсомольского вожака меня ввели в состав ученого совета, ректората, затем — парткома, когда я стала коммунистом.

— *Общественная, комсомольская работа очень затягивает, не способствует тому, чтобы идти в науку: сложно переключиться. Как же удалось Вам вырваться?*

— Способствовала работа в вузе. Меня увлекала не только работа со студенческой молодежью, но и участие в работе кафедры педагогики. Хотелось дотянуться до участия в научном сообществе, разобраться в сложных проблемах общественной и вузовской жизни. Со временем, работая в обкоме комсомола, все больше склонялась к тому, что я гуманитарий. С дипломом учителя математики решила поступать в Высшую комсомольскую школу. Обком партии меня не отпускал, настаивал на учебе в Высшей партийной школе. Но я не стремилась к профес-

сиональной партийной работе. Я очень рано заняла ответственные должности в комсомоле, но в перспективе меня интересовали научные исследования. Мечтала поступить в аспирантуру, но понимала, что после заочного обучения это нереально. Вот и решила: если я иду в гуманитарные науки, то надо получить второе образование — гуманитарное. Поступила на факультет комсомольской работы ВКШ.

С приездом в Москву моя жизнь изменилась серьезно во всех отношениях. Появилась семья. Перед вступительными экзаменами в ВКШ я познакомилась со своим будущим мужем. Он работал первым секретарем Подольского горкома комсомола. Мы поженились. Два года моего обучения в ВКШ — это не только напряженная учеба, но и рождение двоих детей — дочери и сына, что, конечно, изменило мою жизнь.

— *То есть у Вас на старте оставалось еще меньше шансов на то, чтобы заняться научной карьерой?*

— Да, именно. Но я закончила учебу вовремя вместе со своей группой. Это, конечно, было не просто. Сразу после окончания учебы я сдала экзамен кандидатского минимума по философии. Дочери было полтора годика, сыну всего 2 месяца...

В комсомол я не вернулась. Меня пригласили на работу младшим научным сотрудником в Институт общих проблем воспитания Академии педагогических наук СССР. Рекомендовал меня туда профессор кафедры педагогики ВКШ Владимир Васильевич Лебединский. На работу меня принимал Георгий Николаевич Филонов, и в январе 1976 г. оказалась я в отделе Бориса Евгеньевича Ширвиндта, одного из «пионерских» докторов наук — специалистов по пионерской проблематике. Почему-то они поверили в меня, хотя взять на работу женщину с такими маленькими детьми было риском.

Я освоила график работы научного учреждения с его присутственными днями. Для меня это было удивительно — присутствие на рабочем месте только два дня в неделю и то, что результат научно-исследователь-

ского труда отсрочен на много месяцев. Я занялась изучением проблем воспитательной деятельности внешкольных учреждений. Стало получаться. Через три года поступила там же в целевую аспирантуру. Защитила диссертацию «Трудовое воспитание учащихся во внешкольных учреждениях».

А потом меня пригласили в Научно-исследовательский центр (НИЦ) ВКШ при ЦК ВЛКСМ. Это был крупный научно-исследовательский коллектив, в котором я стала работать старшим научным сотрудником с сентября 1982 г. в отделе комсомольской и пионерской работы в школе.

— *В чем заключалась Ваша работа в НИЦе?*

— Занималась проблемами совершенствования руководства школьными комсомольскими организациями. В то время это была важная проблема. В 1972 г. в стране был завершен переход к общему среднему образованию. Это значило, что школьниками-старшеклассниками были практически все ребята соответствующего возраста. Поэтому много было и комсомольцев в школе. Остро стояла проблема самостоятельности школьных комсомольских организаций в условиях педагогического влияния на учащихся. В Академии педагогических наук разрабатывалась тематика педагогического руководства школьными комсомольскими организациями. На мой взгляд, сама формулировка проблемы была некорректной в отношении ячейки ВЛКСМ как самостоятельной организации. В 1980-е годы происходили острые дискуссии на эту тему. НИЦ проводил социологические исследования по изучению проблем деятельности комсомольских организаций. Участвуя в этих исследованиях, я приобрела первый социологический опыт. По результатам исследований в 1985 г. вышла моя брошюра «Пути совершенствования руководства школьными комсомольскими организациями».

— *Получается, что Вы уже тогда занимались социологией?*

— Да, фактически я была включена в конкретные социологические исследования. В то время не предполагала, что стану професси-

ональным социологом и доктором наук по социологии. Социологию (в современном смысле этого слова) нам в вузе не преподавали, поэтому ее пришлось осваивать самостоятельно, как и многим моим коллегам. В том числе осваивать методику и технику проведения эмпирических исследований. Франц Эдмундович Шереги руководил в НИЦе методической комиссией, которая проводила экспертизу программ и методик исследований. Постепенно мы «подраспали» как социологи-прикладники.

Со временем в НИЦе определилась тема исследований отдела учащейся, студенческой молодежи и детского движения, который я возглавляла. Это — социализация молодежи. Новый аспект в изучении молодежи меня очень заинтересовал. Стремление разобраться в теоретических аспектах проблемы привело меня к социологической литературе. Одними из первых авторов, писавших на эту тему, у нас были Игорь Семенович Кон и Галина Михайловна Андреева. С конца 1980-х издавалось много книг известных социологов, в том числе и западных авторов. С огромным интересом я обнаруживала новые возможные объяснения социальной реальности. При этом много лет я не идентифицировала себя с социологами. Валентина Федоровна Левичева (сейчас она работает советником Председателя Совета Федерации РФ), возглавлявшая кафедру социологии Института молодежи, пригласила меня на преподавательскую работу. Я усомнилась в своих возможностях как социолога. «Но ведь вас давно знают как социолога по вашим публикациям», — возразила она мне. Действительно, выходили мои статьи, а в 1990 г. была издана монография «Учащаяся молодежь и комсомол в условиях перестройки», которая стала результатом обобщения данных социологических исследований.

На кафедру социологии пришла в 1991 г.

— *И, наверное, тогда признали себя социологом...*

— Даже и тогда не до конца. Идентификация произошла после защиты докторской диссертации в 1997 г.

Став преподавателем социологии, я обнаружила, что многого не знаю. Это чувство, надо сказать, меня не покидает, потому что, несмотря на постоянную работу с отечественной и зарубежной социологической литературой, я не успеваю узнать столько, сколько хотелось бы. Социология открыла для меня новое знание об обществе, о человеке. Я — социолог по самообразованию.

— *Ваша докторская диссертация уже была написана по социологии?*

— Да, она была по социологической специальности «социальная структура, социальные институты и процессы». Называлась «Социализационная норма в современном российском обществе». Сначала название было другим: «Особенности социализации российской молодежи в условиях социальных изменений». Но после выхода в свет моей монографии «Социализация личности: норма и отклонение» я поняла, что мои изыскания обретают концептуальный характер в той части исследования, которая ранее представлялась наиболее неясной. Уже написав автореферат, я решила изменить тему диссертации и через неделю представила другой текст автореферата.

— *Почему Вы решили менять тему?*

— У меня созрели некоторые новые идеи. Импульс был дан чтением трудов по феноменологической социологии Щюца, Бергера, Лукмана. Вот тогда я стала по-новому осмысливать социализацию. И я попробовала изложить свою концепцию. Получилось шесть страниц текста. Вроде бы немного, но это были концептуальные строки, новые, мои, изменившие стержень моего диссертационного исследования. В заявленную неделю я уложились.

— *Что именно Вы «уложили»?*

— Меня интересовал не столько сам процесс социализации, сколько то, как общество предопределяет нормы и отклонения результативности этого процесса. Это социологический ракурс. Социализация — то, что происходит с индивидом, но происходит только в обществе. С одной стороны, у индивида есть своя предрасположенность. Но

с другой стороны, общество тоже определяет становление человека. Как социологи, мы рассматриваем типическое в этом процессе. Мне показалось очень интересным, почему и как возникает норма социализации. Что означает эта норма? Почему один и тот же результат социализации для одного человека — норма, а для другого — отклонение? Я попыталась ответить на эти вопросы в своей концепции. Со мной спорили: в современном обществе (речь шла о России начала 1990-х годов) вообще утрачены нормы. Но, на мой взгляд, если это общество, значит, в нем есть социальная, и социализационная нормы. Официальный оппонент на моей защите, известный отечественный философ Людмила Пантелеевна Буева дала высокую оценку концепции социализационной нормы, помогла мне интересными замечаниями в дальнейших исследованиях.

Впоследствии эта концепция излагалась в статьях, в монографиях, оттачивалась и стала известной среди исследователей. Она есть и в нашей совместной с Валерием Андреевичем Луковым монографии «Социология молодежи» (М., 1999).

— *Это примечательная книга. О ней есть отдельная статья в отечественной «Социологической энциклопедии», на нее часто ссылаются другие исследователи. Расскажите, пожалуйста, о том, как она готовилась.*

— Сначала эта книга задумывалась вторым, вместе с В. А. Луковым и В. Ф. Левичевой. Мы даже подали заявку на грант Фонда Сороса. Сделали план-проспект книги. Конечно, первоначально она планировалось иной по содержанию, по объему. Грант не получили, но все равно решили книгу писать. У Левичевой в это время появились другие интересы. Поэтому с Луковым сделали новую структуру и начали работу. У Валерия Андреевича были наработки двух с лишним десятилетий по этой проблеме и у меня тоже. Это позволило написать быстро. Кроме того, мы поставили друг другу сроки. Требовали друг с друга, критиковали, контролировали друг друга.

— Сколько времени ушло на написание книги?

— Месяца три плотной работы по вечерам, по выходным, по праздникам. Ведь только благодаря этим дням я могу интенсивно работать над рукописями. Всю жизнь у меня так. Допустим, каждый Новый год по традиции собиралась семья в полном составе, сначала с родителями моими и мужа, потом уже с детьми и их семьями. Все усаживались надолго за праздничным столом, но я скоро оказывалась в уголке за работой...

— Вы не участвовали даже в предпраздничных приготовлениях?

— Нет-нет, конечно же, я и готовила, и накрывала на стол. Я же женщина. Дома я делаю все, что положено жене, матери. Могу сказать, что меня никогда не угнетают, а даже способствуют творческой работе семейное окружение и семейные обязанности.

— Домашние не делают скидки на то, что Вы — ученая, доктор наук, профессор?

— Они меня понимают, а это главное. Здесь я могу проявить нескромность и сказать, что всегда работаю много и напряженно, умею организовывать себя, расставлять приоритеты, много помнить и успевать.

— Но ведь усталость Вы чувствуете когда-то?

— Да, конечно. Но я не хочу просто отдыхать, лежать, спать, болеть, мне не надо никаких санаториев. Хочу скорее перебороть утомление и вернуться к работе.

Понимаю, что если бы я не была деканом, работала только на кафедре, мои творческие планы осуществились в большей мере. У меня ведь есть долги свои перед собой. Есть, к примеру, монография по гранту РГНФ. Я написала большую книгу, которую надо еще доработать, подготовить к изданию.

— О чем эта рукопись?

— Тоже о социализации. Так получилось, что мои работы в этом направлении были признаны, изыскания других исследователей стали «вертеться» вокруг моих наработок. И, конечно, в первую очередь работы моих аспирантов, докторантов. Главным показателем признания стало то, что в профес-

сиональном издании социологов — журнале «Социологические исследования» опубликована моя теоретическая статья.

Считаю, что много еще предстоит сделать. Есть некоторые идеи для исследователей — непонятные для начинающих социологов, но работающие в руках исследователей. Есть мое понимание определенных сторон социализации, которые пока не удалось сформулировать, описать, объяснить.

— Как получилось, что, будучи заведующим кафедрой социологии, Вы стали и деканом психологического факультета МосГУ?

— Для меня руководить кафедрой — важное, близкое и любимое дело. Мои творческие дела, душа остаются здесь. Но, видимо, по жизни я несу крест: мне нередко предлагают руководящие должности, от которых чаще отказываюсь, чем соглашаюсь. Могу сказать, что не стремлюсь получить такие должности. Здесь у меня невысокие притязания. В конечном счете, меня больше всего интересует исследовательская и преподавательская работа.

— Почему же Вам предлагают должности?

— Может быть, я проявляю большую ответственность и надежность на службе, чем другие. Думаю, что я не авторитарный (хотя другие считают иначе), участливый и открытый человек. Люди приходят ко мне с проблемами, просьбами, за советом. Может быть, мне удастся находить баланс между интересами рядовых сотрудников и руководства.

С психологическим факультетом я связана давно. Проблематика моя близка к социальной психологии. Состою в докторском диссертационном совете по психологии много лет. Но не ожидала, что мне предложат стать здесь деканом. И не сразу согласилась. На факультете были очень глубокие проблемы, связанные с кадрами. Было важно, чтобы деканом стал профессор, имеющий опыт управленческой деятельности. Видимо, это все и предопределило. Приступила к работе с 1 июня 2002 г.

— Удалось выправить ситуацию?

— Да, удалось. Закрыли проблемную кафедру, открыли две новые. Избавились от балласта, пригласили новых людей. И все это было без скандалов, без судов. Факультет преобразился. Новые кафедры возглавили Вячеслав Алексеевич Ситаров, авторитетный ученый в педагогике, и Ольга Геннадьевна Носкова, известный специалист в области психологии труда. Большую поддержку мне оказывают заведующий кафедрой социальной и этнической психологии Анатолий Лактионович Журавлев (директор Института психологии РАН) и заведующий кафедрой общей психологии и истории психологии Юрий Николаевич Олейник.

— *Расскажите, пожалуйста, о «польском» периоде Вашей жизни. Как Вы стали профессором, заведующим кафедрой социологии в Высшей гуманитарной школе города Щецина?*

— Бывший докторант кафедры педагогики нашего вуза Тадеуш Страва стал работать проректором Высшей гуманитарной школы. И он, приезжая сюда, несколько раз предлагал мне и Валерию Андреевичу Лукову работать в этом вузе.

В Польше очень мало профессоров. Научное сообщество, в частности профессорское, закрыто. Есть всякие трудности, преграды, которые выставляются соискателям. И там стать профессором чрезвычайно трудно не только в связи с особыми требованиями к качеству научных работ, но и по другим основаниям, нередко ненаучным.

— *Это какая-то традиция?*

— В Польше большая безработица — свыше 25%. Профессора получают высокую зарплату и у них невысокая нагрузка — 180 часов аудиторной работы в год. У заведующего кафедрой — 120 часов (это позволило нам найти время на преподавание в Польше без ущерба для работы в МосГУ). Для сравнения скажу, что в российских вузах в три-четыре раза больше. Зарплата профессора может колебаться от 500 до 1500 евро в месяц. Конечно, они держатся за свои места, работают в нескольких вузах и не поддерживают амбиции коллег стать профессорами.

— *Как же тогда Вы внедрили в эту замкнутую касту?*

— Вуз-то не может функционировать без достаточного количества профессоров. Своих пока нет и скоро не будет. Им оказалось легче пригласить со стороны, а также начать подготовку в нашей аспирантуре своих преподавателей. Семь поляков защитили в МосГУ диссертации по социологическим наукам — пять кандидатских, две докторские.

— *Вы знаете польский язык? Откуда?*

— Я не знала польского языка. Поляки обещали переводить, когда приглашали к себе на работу. Мы с Луковым решили, что через переводчика со студентами работать не будем. Если переводчик не знает социологии, то переводить адекватно он не сможет, больше времени уйдет на уточнения. Кроме того, конечно, мы понимали, что работать со студентами лучше на их языке.

И вот за три месяца мы выучили язык. Два раза в неделю к нам приезжала преподаватель польского языка из МГУ, и после работы по вечерам мы учились. И еще два раза в неделю мы ездили на занятия в Дом польский при посольстве Польши. Это изматывало, стоило дорого, но было интересно, и своего мы добились.

Первая лекция на польском языке с акцентом была, как я думаю, ужасной...

— *Но Вас поняли?*

— Конечно. На лекции был проректор, сказал: «Молодец». Со временем язык удалось сделать свободным.

Считаю, что опыт работы в Польше способствовал оттачиванию моего профессионального мастерства как преподавателя. Во-первых, другая образовательная среда, во-вторых, другое общество. Надо было вписаться в польский вуз, понять польское общество. Без этого преподавание социологии невозможно. В диалоге со студентами проявились наиболее социальные вопросы польского общества: безработица, обнищание, недоедание, наркомания, проституция... Я воочию увидела проблемы двухуровневой системы высшего образования, что важно с учетом перехода к ней у нас.

— *Вы и сейчас выезжаете в Польшу?*

— Да, но редко. В основном на конференции, симпозиумы, на которых обсуждается много интересных для меня проблем. Как правило, выступаю с докладами на польском языке. Это производит большое впечатление на поляков. Ведь редко кто из иностранцев знает польский язык.

Знание языка позволило мне эффективно руководить польскими аспирантами и докторантами, которые успешно защитили диссертации по социологическим наукам в нашем диссертационном совете. Например, успешно защитила докторскую диссертацию Тереза Жулковска, которая много лет занималась проблемами людей с ограниченными умственными возможностями. У нас потом с ней и В. А. Луковым вышла большая совместная книга «Ненормальные» в обществе» (Москва–Щецин, 2003).

— *Что общего и различного Вы, как социолог, увидели между польской и нашей молодежью?*

— Во все времена у молодежи одного возраста вне зависимости от страны, от культуры есть что-то общее. Особенно в наше время, когда границы между странами в определенной мере стираются. Но есть и различия. Россия — многонациональная, поликультурная страна. Польша же — монокультурна. Там только 5–6% населения не поляки. Чисто польской эта страна стала после Второй мировой войны. Тогда украинцы уехали на Украину, русские — в Союз, немцы — в Германию, евреи были истреблены.

Интересно наблюдать монокультурную страну. В этом есть достоинства и недостатки. Среди плюсов: огромный патриотизм поляков. Они дорожат тем, что они поляки. Подчеркивают это в своем поведении и даже во внешнем виде, особенно при взрослении: мужчины часто отпускают усы, появляются национальные нюансы в одежде. На молодых, конечно, влияет западная культура: они очень стремятся к успеху, к карьере, стараются сделать для этого все. Раз образование является каналом социальной мобильности, то оно очень престижно. Многие учатся, не

только молодежь. В аудитории можно встретить людей в возрасте старше 50 лет. Польская молодежь представляется мне довольно самостоятельной.

— *Насколько там родители опекают своих детей? Меньше, чем россияне?*

— Думаю, что они больше нас придерживаются западной модели взаимоотношений отцов и детей. Конечно, родители помогают детям, оплачивают их обучение. Но очень престижно, когда молодой человек сам всего достигает. К тому же дети нередко помогают безработным родителям. И вряд ли будет приветствоваться общественным мнением, если с 18 лет сына или дочь родители оставят без материальной поддержки.

На мой взгляд, наша молодежь менее мотивирована к образованию, более — к получению диплома. Я не говорю обо всей молодежи, она у нас разная. Много достойных уважения молодых людей. Более того, когда начинают плохо говорить о молодежи, я непременно становлюсь на ее защиту. Мои дети, например, никогда не были для меня проблемой.

— *Вы так оптимистично оцениваете и студентов МосГУ?*

— В целом я не могу жаловаться на студентов и как декан, и как преподаватель. У значительной части студентов высокая мотивация к обучению и пытливость, сильная воля к самоорганизации. Но определенная часть студентов этим не отличается. По моей оценке, с усилением требований к качеству знаний в нашем университете ситуация меняется в лучшую сторону.

Я и мои коллеги по кафедре социологии нередко сталкиваемся с трудностями восприятия студентами теоретического материала. Его приходится адаптировать к восприятию студентов, заинтересовывать их. Стараюсь выстраивать логику так, чтобы они видели себя и свои проблемы в обществе и общество в себе. Сложные темы типа «социальные институты», «социальные изменения» студент сразу не поймет. Но если начинать с личности, с той же социализации,

с неравенства, с мобильности, когда он слышит что-то полезное для себя, — это ему очень интересно.

Я практикую в конце каждой лекции задания: прошу письменно ответить на какой-то вопрос, что позволяет мне контролировать посещаемость и в какой-то мере усвоение учебного материала. Например, прошу отнести семью родителей к определенной социальной страте. Как правило, студенты относят родительские семьи к среднему слою. Даю и более сложные задания. Так, говоря о взаимодействии культур, прошу оценить тип взаимодействия российской и американской культур по шкале: «добровольное», «вынужденное», «принудительное». Некоторые студенты отвечают развернуто, задерживаясь на переменах. Так как я это практикую давно, то могу проследить динамику ответов-оценок. Десять лет назад мои студенты считали это взаимодействие добровольным. А сейчас студенты более взвешенно и критично оценивают ситуацию, определяя такое взаимодействие вынужденным или даже принудительным. Они реально видят американскую культурную экспансию.

— *То есть Вы хотите сказать, что наша молодежь становится более здоровой?*

— Да, и это меня радует. Приятно видеть, что молодые более трезвы в оценке социокультурных процессов. Кстати, то же самое я практиковала и у поляков. Результаты такие же. Они тоже обеспокоены американизацией. Это ответ на вопрос об общем у молодежи.

Очень любопытно и отношение молодежи к глобализации. В Польше на стене одного из зданий я увидела надпись: «Глобализация не пройдет!». Я задала на занятии соответствующий вопрос студентам с просьбой оценить этот процесс. Поляки в свое время с трепетом и надеждами ждали вхождения в Евросоюз... Но скоро поняли, что это, как и глобализация, несет не только позитивное, но и негативное.

Современные российские студенты более здраво оценивают и глобализацию, и будущее нашей страны. Поэтому я верю, что молодежь будет делать более осознанный выбор для себя и для общества.

Беседовала
Ч. К. ДАРГЫН-ООЛ